

ФИЛОСОФИЯ

УДК 929 + 130.2

DOI: 10.29039/2413-1695-2024-10-4-04-17

IN MEMORIAM: КАРЕН СВАСЬЯН (1948–2024) – ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Габриелян О. А.

Аннотация: В статье-воспоминании воссоздается образ известного философа Карена Араевича Свасьяна. Прослежен важный этап его становления как мыслителя до его отъезда в Европу, где он прожил до своей кончины. Автор статьи более десяти лет проработал с ним вместе и имел возможность не только наблюдать этот процесс. Сделаны несколько важных «открытий» в творческом становлении философа. Это и атмосфера, в которой происходило его становление, и повторяемость «попадания» в периоды исторических перемен, и свой круг общения, и «контрапункт» как собственный метод философствования, и стиль философствования как созидание себя, и открытая идентичность философа.

Ключевые слова: история позднесоветской философии, немецкая философия, Институт философии и права Академии Наук Армении, Закат Европы.

9 сентября 2024 года в университет пришла трагическая, можно сказать, трагически пронзительная новость о неожиданном уходе из жизни одного из самых сильных философских умов нашего времени Карена Араевича Свасьяна, советского и армянского философа, специалиста по истории философии, культурологии, теории познания, историка культуры, литературоведа, переводчика и антропософа. Яркий и неповторимый человек, он был неповторим и оригинален во всем: и в жизни, и в любимой науке. В вышедшей несколько лет назад на русском языке книге К.А. Свасьяна, которая является его творческой автобиографией, нет ни одного слова о нем самом, о его биографии. Многие исследователи считают, что он практически не употреблял в своих текстах местоимение «Я», которое встречается в текстах только один раз. Карен Араевич лишь уточняет свою духовную родословную: «Я шел от греков к Гете, в котором конец греческой монополии на мысль прописан со всей определенностью, а от Гете – сквозь игольное ушко – Штирнер и эволюционизм Геккеля – к самоупражнению философии в Рудольфе Штейнере». Когда кто-то великий уходит навсегда, в душах оставшихся образуется брешь, которую невозможно заполнить.

Более 10 лет мы трудились вместе в одном отделе в Институте философии и права Академии Наук Армении. Карен Араевич считал, что философия, которая исходит из удвоения мира, противостояния субъекта и объекта, кончилась. На смену ей пришла духовная наука, рассматривающая мышление как высшую стадию самой природы, на

которой она приходит к осознанию самой себя, или, как сформулировал Свасьян, потенцирует себя в познание, записывает в Книгу Бытия. Здесь на первый план вместо вопроса, что познается, встает вопрос, кто познает. Мышление не имеет предпосылок, за ним ничего другого нет. Это означает, что мыслит философ, и вне его внутреннего опыта не существует никаких общезначимых истин. Здесь развернут совершенно другой, свасьяновский взгляд, взгляд на человека и его место в мире: «Ориентация на Запад есть ориентация на безумие» (2007).

Полного анализа философских работ Карена Араевича пока еще нет, но он обязательно будет, и начнется он с воспоминаний о человеке и философе, который много лет был рядом. Мои слова сейчас – это попытка набросать эскиз портрета, чтобы понять и принять простую, но близкую ему мысль: «Мир мыслит человеком, его философией!» И добавим от себя: «Философ, поднимаясь на высоты духа и мудрости, поднимает вместе с собой каждого из нас, по крайней мере, указывает путь, как первопроходец».

Когда год назад у меня появилась возможность связаться с Кареном (никак не получается упоминать его по отчеству; думаю правильно и удобно называть его так, как сложилось, когда познакомились, просто по имени). Я так и не смог преодолеть чувство неловкости, не напоминал о совместной работе и, склоняясь перед его авторитетом, долго не осмеливался открыть новую страницу общения с ним. Будучи деканом философского факультета и заведующим кафедрой философии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, я имел возможность организовать на факультете его on-line встречи с преподавателями и студентами, но моя щепетильность не позволила воспользоваться этим фактом совместной работы в каких-то своих целях. Сейчас уже понимаю, насколько это было неправильно. Такую возможность обидно было упустить. Даже мой личный опыт свидетельствует, что люди такого масштаба более открыты, чем мы думаем о них.

Счастливым момент возник в октябре 2023 года. В качестве приглашенного профессора надо было прочитать лекции в Ереванском государственном университете на философском факультете, что оказалось возможным благодаря инициативе армянских коллег Хасмик Ованесян и Ованеса Ованесяна. Их заботой и вниманием я до сих пор пользуюсь в надежде ответить им сторицей в Крыму. Каждый раз после приезда в Ереван мне хотелось посетить Институт философии, но что-то останавливало. Однако наконец-то нужный звонок был сделан, и встреча с Геворгом Погосьяном состоялась. Он уже оставил по возрасту должность директора Института. За прошедшие три десятка лет он прошел путь от ученого секретаря Института до должности директора и академика Национальной Академии Наук Армении. Встретились очень тепло. В процессе разговора зашла речь и о Карене. И тут он сообщает мне, что Анаид, супруга Карена, именно в это время находится в Институте. Встреча была очень сердечной. Анаид снабдила меня всеми контактами для дальнейшего общения.

Своими реминисценциями я попытаюсь не только высказать, что не успел выговорить в нужное время, но выполнить моральный долг по отношению к старшему товарищу. Мне сложно сказать, как он на меня повлиял, но совершенно очевидно, что это влияние было и стало частью моей судьбы.

Аура

Первым и главным пунктом нужно обозначить атмосферу в Институте и в нашем отделе диалектического материализма и теории познания. Возглавлял его профессор, доктор философских наук, впоследствии академик АН Армении – Гамлет Амбакумович Геворкян. Хочу отметить крайне важный факт, который сразу обозначает уникальность этого человека и атмосферу, которую ему удалось создать в коллективе. Наверное, это был единственный случай в Союзе, когда такую должность занимал беспартийный. Его авторитет ученого был настолько высок, что соответствующие органы старались не замечать этой идеологической рассогласованности. Мягкий, бесконфликтный, интеллигентнейший человек, он являл собой образец научной требовательности. Глубина и широта его энциклопедических знаний, его профессионализм были хорошо известны за пределами республики в сообществе философов, чьи имена были у всех на слуху в то время в стране. Он не был громким и публичным, но, думаю, что всем, кому выпала удача общаться с ним, вспомнят его теплыми словами. А мне волею судеб выпало счастье и честь быть его учеником. На всю жизнь запомнил, доставшуюся мне в наследство от него мудрость: «Олег, нет плохих людей, надо суметь повернуть лучшей их стороной к себе». Не забуду, как он и его сестра принимали меня у себя дома. Всегда с радостью и с какой-то родительской заботой.

С высоты прожитых лет только сейчас начинаю понимать, насколько мне повезло оказаться в сообществе замечательных людей. Георгий Барсегян – логик от Бога. Друг Гамлета Амбакумовича и вечный оппонент академика Г.А. Брутяна с его теорией аргументации. Грант Аракелян – философ, труды которого, на мой взгляд, до сих пор недооценены. Я имею в виду его работы по философии физики о фундаментальных константах. Как-то оказался у него дома и был удивлен его трепетной любовью к классической музыке. Он собирал пластинки с концертами мировых музыкальных шедевров. Наташа Абрамян, чей филологический профессионализм, был настолько высок, что признавался всеми, даже тогда, когда изыски литературного стиля Карена, входили в столкновение с ее чувством преданности родниковой чистоте русского языка. Знание и чувство языка (не только русского) позволяли ей быть тонким автором философских этюдов. Александр Манасян (впоследствии академик) глубокий методолог, у которого было чему учиться. Ида Аракелян занималась философией науки. На всех наших встречах в явочные дни присутствовала Анаид Галоян. Я не помню ее официального статуса, но она блистала своими тонкими, точными, но всегда доброжелательными больше репликами, чем замечаниями. Она была супругой Карена, его интеллектуальным оруженосцем.

Каждый из сотрудников отдела сам по себе был интересной личностью, и я, молодой неофит, только спустя годы понял, насколько важно, чтобы в твоей жизни оказались такие умные и порядочные, высокообразованные коллеги. Только годы спустя узнал, что многие из них были детьми или воспитывались в семьях известных ученых, академиков и профессоров. Однако все их «мажорство» проявлялось в блистательном уме и воспитании, не позволяющем никаких ссылок на родителей. Я благодарен им за то, что они приняли меня, «не блатного», в свой круг, где больше ценились личные способности.

Переехав в конце 1993 года в Симферополь по приглашению регионального правительства Крыма, я оказался в совершенно иной среде. Административная работа предъявляла иные требования даже в общении с людьми. Очень скучал по своей библиотеке. Даже приобрел новую у одного известного крымского философа. Спустя двадцать пять лет мне все же удалось перевезти свою библиотеку из Еревана в Симферополь. Дело очень хлопотное и не дешёвое: собрать, упаковать, отослать в длинный путь сорок коробок книг и архива.

А вспомнил об этом потому, что горестная весть о Карене побудила меня подойти к своим книжным полкам и шкафам и собрать книги моих коллег по отделу и Институту, заглянуть в них, вспомнить каждое обсуждение статей еще в виде рукописей. И как даже мне – молодому человеку без философского образования и с очень скудными знаниями в этой области на то время – предоставлялась возможность высказать свое мнение. Потом книги издавались, и авторы щедро дарили их, прежде всего своим коллегам. Эта была добрая традиция. А я по молодости и обыденности происходящего не догадался брать автографы. Вот и сейчас на моем письменном столе почти все книги Карена, изданные в Ереване, подаренные им. Исключение составляет только книга о символе (его докторская диссертация, которую он защитил в 33 года, что было невероятным в то время в СССР, особенно, для гуманитария. Она вышла еще до начала моей работы в институте небольшим тиражом и сразу стала раритетом. Тогда не приходило в голову попросить кого-то из коллег подписать книгу. Казалось все настолько обыденным и повседневным, отнюдь не пафосным. Вот Карен рядом. Протягиваешь руку и здороваешься, не понимая всю уникальность каждого мгновения человеческого общения.

Каждый человек звезда, но он был звездой особой яркости! Я уже упомянул о том, что в отделе была обязательная процедура обсуждения статей и книг всех сотрудников. Исключений не было даже для работ руководителя отдела. Конечно, обсуждались и книги Карена. Как и любому автору, ему было сложно слушать замечания к своей работе. Однако хорошее воспитание и подчеркнутая интеллигентность позволяли ему приглушать его горячность. Ведь каждая строчка и отлитая в ней мысль была им выстрадана, выпестована в его стиле и не могла быть изменена без ущерба для сотворенной им книги. Он действительно их творил, а не вел скрупулёзное наукообразное исследование. Более того, его работы, по большому счету, не очень-то вписывались в план работы отдела, но Гамлет Амбакумович не мешал, а по возможности помогал Карену, никогда не навязывая ему ни исследовательских тем, ни административных ограничений. В этом был его замечательный талант руководителя.

Карен, конечно, внутренне взрывался от того, что его опять не поняли. Не появлялся в очередной явочный день. Приходила Анаид, проясняла обстановку, доводила до нас то, что мы недооценили и упустили в обсуждении. Только сейчас понимаю, насколько она была нужна Карену: любящая и понимающая. Мы передавали через нее свои объяснения-пояснения и мир в отделе снова воцарялся.

Надо отдать должное Карену, он не мог ни интриговать, ни враждовать. Это вообще не о нем, и мимо. Конечно, Карен знал себе цену. Он старался выделяться. В отличие от

других сотрудников отдела у него не было собственного стола. Он игнорировал такую возможность. Явочные дни, как правило, ему были очень нужны. Они были крайне полезны ему. Эти встречи в отделе как бы корректировали его оптику пребывания в философском сообществе. Именно поэтому он не отказывался от обсуждений своих работ и не игнорировал наших замечаний. Это не значит, что он бросался вносить изменения в свои рукописи, но его эссе становились все более глубокими и менее экстравагантными. Так рождался собственный оригинальный стиль философствования.

Анализ трудов и выступлений Карена показал, что его работа и его идеи уже не нуждаются в самоутверждении через самовыделение из окружающих. Он становится мудрым и остается ироничным, но уже не только к другим, а к себе тоже.

Скажу еще несколько слов о пространстве своего пребывания в Институте. Через стенку находился отдел культуры во главе с Эдуардом Саркисовичем Маркарянном – известным в стране культурологом. Он много разъезжал, и за глаза его называли «интуристом». Думаю, он знал об этом, и это ему даже льстило. В средней комнате с окнами в коридор располагался отдел истории армянской философии. Здесь исследовательскую группу возглавлял Сен Суренович Аревшатян, будущий академик и директор Института древних рукописей «Матенадаран» («Хранилище рукописей»). В эту группу входил и Карлен Мирумян, который, как показало время, стал его достойным учеником и известным в Армении ученым. В свое время он был ученым секретарем института. На этом этаже также располагались отделы психологии и социологии. Из недр последнего вышел ученый секретарь Института, а со временем и директор Института – Геворг Арамович Погосян. На первом этаже располагался отдел социальной философии.

Я был чрезвычайно сосредоточен на своей работе. При поступлении в Институт заместитель директора, Ашот Мамиконович Экмалян, дал мне напутствие на вопрос о регламенте моей работы: «Когда приходит, уходит, отчитываться?». «Олег, милиционер должен быть внутри тебя, если ты чего-то хочешь достичь в этой жизни».

Сейчас сожалею, что был невнимателен к коллегам из других отделов. А это были профессионалы очень высокого класса. Вершиной всей этой интеллектуальной философской элиты республики был директор Института – Степан Суренович Товмасян. Жили одной большой дружной семьей. Манук Арутюнян днем был философом, который искрил юмором. А ночью вахтером – сторожем Института. Сейчас понимаю, что своим ночным дозором он охранял не здание Института, а его Дух. Ночью Манук перегонял собранную за день ауру в свои шутки, которые быстро становились общими. Со временем он стал доктором наук. Вот одна из его шуток: «В Армении много докторов наук, а вот «сторож» ее духа только один». Бухгалтерия и отдел кадров были частью нашего философского образа пребывания в реальности. Незабвенная Света была помощником, товарищем и другом. Она вела кассу взаимопомощи – этот незамысловатый аппарат финансового микрокредитования, чистота и наивность которого сегодня поражает нас в сравнении с теми циничными и безжалостными структурами кризисных девяностых.

Мы, молодые аспиранты, навещали директора, когда он болел, с непременно апельсинами и мандаринами в кулечке. Анаид была дочерью главного аптечного на-

чальника Армении. Весь Институт мог к ней обратиться, как к сестре, будучи уверенным, что если лекарство есть в республике, то она его достанет. Не счастье, скольким она помогла.

Не забуду, как весь отдел приехал ко мне домой, когда скончался отец, Карен подошел и сказал: «Прими соболезнования. Понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Сам потерял отца». Такое участие запомнилось и помогло, так как оно было сделано от всей души.

Пишу об этом, чтобы стали понятными психологический климат, контекст и атмосфера, в которой шло становление философа – Карена Свасьяна. Он был очень уважителен по отношению к Гамлету Амбакумовичу именно в силу того, что признавал его статус выдающегося философа. Чинопочитание не входило в его привычки, и он активно подключался к нашему балагурству и ерничанью на посиделках в отделе в явочные дни.

Заводилой был Александр Самарчян, еще один сотрудник нашего отдела. Он принадлежал к философам сократического типа. Ему нравилась сама игра ума, и здесь он преуспел, но был совершенным бессребреником в плане писать и защищать диссертации. На голову был выше многих тех, кому удалось остепениться. Смею высказать мысль о том, что без Александра и Манука сложно представить неофициальную историю Института.

Если получится послушать те немногие выступления Карена, которые сохранились в анналах Интернета, Вы услышите тонкий юмор, а точнее, свасьяновскую иронию. А теперь представьте, что за чашкой кофе в непринужденной беседе обсуждается детская программа «Спокойной ночи, малыши» с аллюзиями из институтской жизни. Некоторые цензурные мысли таких посиделок просачивались в нашу неформальную институтскую стенгазету «Филипок». Не могли же мы ее назвать «Филиппики»...

Многое обсуждалось троицей: мною, Володей Осиповым и Игорем Барсегианом за шкафом, в нашем отделе, за столом за чашкой чая. Мы, будучи аспирантами и лаборантами, были в институте практически безвылазно. Ели, пили, отдыхали здесь же. Продавцы шоферского (так он назывался в народе) магазина на углу знали нас в лицо. В явочные дни к нам мог присоединиться и Карен, да в принципе любой член отдела. Все было демократично, сердечно и уважительно.

Контрапункт

Вряд ли кто будет оспаривать, что Карен Свасьян – оригинальный философ. С горечью приходится писать – был.

Армянство Карена было заложено его тбилиским рождением. Он родился на закате феномена тифлиского армянства, достигшего своего культурного апогея в «Вернатуне» («Мансарда») Ованеса Туманяна, этого Пушкина армянской литературы. За полвека до рождения Карена в «Мансарде» собирался весь цвет армянской культуры, который задал вектор ее развития на весь двадцатый век. Хотя Карен застал культурный закат тифлиского армянства, но мне представляется, что его становление впитало многое из него. Сложно искать прямого влияния. Но, безусловно, сам дух кружка был ему близок, в первую очередь, по масштабу личностей участников. Этим духом была пропитана армянская община Тифлиса-Тбилиси еще многие годы. Его создавали писатели, художники,

педагоги, музыканты, знавшие европейские языки, жившие, учившиеся там в европах. Для них было естественным вслед за Герценом создавать свой «Гнчак» («Колокол») или обсуждать «Пьяный корабль» Рембо на встречах. Однако было бы неправильным и несправедливым исключать из создателей этого духа авлабарских кинто. Особенностью этого духа было то, что он рождался в диалектических противоречиях европейской армянской интеллигенции и карнавальности характера народа. Тифлис без Авлабара не Тифлис. Армяне привнесли огромное количество позитивных перемен в этот город.

На мой взгляд, европейскость Карена формировалась в стремлении выйти за пределы этой карнавальности, но мне неизвестны случаи, когда это кому-то из выдающихся армян удавалось. Помню, как кто-то принес в явочный день прекрасных больших розовощеких армянских абрикосов. Вымыли и разложили горкой в большую тарелку в предвкушении сладостного поглощения. Карен театрально встал над тарелкой с указующим перстом на абрикосы и произнес: «Тираны мира, трепещите!». Комичность ситуации придавало то, что «тиран» по-армянски означает «абрикос». Понятно, что «тираны» были обречены.

Перед защитой моей кандидатской диссертации встал вопрос об оппонентах. Все подключились, подняли свои связи, высматривая достойных коллег, тех, кто взялся бы оппонировать на защите. Понятно, что это должен был, по возможности, доктор наук. После рассмотрения ряда кандидатур мой научный руководитель предложил коллегу из Тбилиси.

В один из явочных дней, когда обсуждалась моя поездка, Карен давал мне напутствие, как вести себя в этом городе сплошных аристократов. Каждый в городе считает себя потомком того или иного княжеского рода и очень гордится этим. Эта черта запечатлелась даже в тбилисской телебашне. При описании ее Карен встал, подбоченился – уперся в бок, согнутой в локте рукой и улыбнулся, прищурился. И поездка в Тбилиси, и встреча с будущим оппонентом, доброжелательность приема и дальнейшая защита прошли без проблем. Но я был удивлен, когда увидел телебашню. Она стоит на косогоре, и сбоку ее подпирает дополнительная стойка. Я вспомнил Карена с его живописным изображением телебашни. Лучшего образа трудно было создать, о чем я не преминул ему сообщить по возвращении. Небольшой, но важный эпизод, который ярко воссоздает способ его художественного видения мира – образного и ироничного.

Высшее филологическое образование Карен получил уже в Ереванском государственном университете. И пока он стремительно и практически самостоятельно осваивал искусство любви к мудрости, истекало советское время. На переломе, в конце 80-х и начале 90-х, он достигает своего *ακμή* (греч. акме – высший уровень). В его переводе выходит двухтомник Ницше с его же вступительной статьей и примечаниями. Наверное, ни раньше, ни позже эта работа не могла появиться такой, какой ее издал Карен.

К этому времени им уже написаны и изданы в Ереване книги: «Эстетическая сущность интуитивной философии А. Бергсона» (1978), «Проблема символа в современной философии» (1981), «Голоса безмолвия. Рильке, Валери, Блок, Чаренц, Нарекаци, Гете» (1984), «Фенологическое познание. Пропедевтика и критика» (1987), «Философское

мировоззрение Гете» (1983), «Философия символических форм Э. Кассирера. Критический анализ» (1989). Этот список важен не только для того, чтобы обозначить, с какой философской, и духовной подготовкой он пришел к Ницше, но и осознать, кого именно он пригласил бы в свою «Мансарду», если бы судьба предоставила ему такую фантастическую возможность перемещать в свой мир людей сквозь время и государственные границы. К этому кругу избранных им самим, со временем добавились Шпенглер, Штирнер, Гартман, Штейнер. Здесь с уважением и почтением отнеслись бы к Платону и Аристотелю, Оригену и Аквинату, Абельяру и Декарту, Лейбницу и Канту, Валери и Рильке, Блоку и Чаренцу и, конечно, Нарекаци. Вот мыслители и вехи – их произведения, которые были в учителях и духовных наставниках Карена. Почему это было важно отметить? Потому что, вчитываясь в них, видимо, Карен смотрелся в них, как в зеркало, и, следовательно, важным качеством его личности была зеркальность и умение понимать других людей, что обеспечивало его неконфликтность. Некоторые черты становились ему близкими, узнаваемыми в его поведении, своими. Однако потому, что Карена интересовало живое, пришедшее из первых рук, его разум не повредили постмодернистские симулякры и «всякие там Жижбеки», которого сейчас называют «лучшим философом в мире».

Так формировался философ с классическим способом думания, выпавший из эпохи, которому претили интеллектуалы, которые по сравнению с великими предшественниками были настолько бесталанны, что не смогли даже найти имя для обозначения философии своего времени.

«Он одинок и лишен всего, кроме своих мыслей: что удивительно в том, что он часто нежится и лукавит с ними и дергает их за уши! – А вы, грубияны, говорите – он скептик» [1, с. 5]. Именно эти строчки Ницше (из его посмертно изданных рукописей) берет Карен эпиграфом к вводной статье к его двухтомнику. Думаю, те, кто знал и читал Карена Свасьяна, согласятся со мной, что их можно отнести и к нему самому. Собственно, это подтверждает он сам своим выбором эпиграфа.

Просматривая вводную статью Карена, останавливаюсь на своих пометках, сделанных, страшно подумав, почти четверть века назад, обращаю внимание на пассаж об обобщенном портрете немецкого философа, воссозданного со слов друзей в книге А. Риль «Фридрих Ницше как художник и мыслитель» (1898): «У него была привычка тихо говорить, осторожная, задумчивая походка, спокойные черты лица и обращенные внутрь, глядящие вглубь, точно вдаль, глаза. Его легко было не заметить, так мало было выдающегося в его внешнем облике. В обычной жизни он отличался большой вежливостью, почти женской мягкостью, постоянной ровностью характера. Ему нравились изысканные манеры в обращении, и при первой встрече он поражал своей несколько деланой церемонностью» [2, с. 19]. Удивительное совпадение с самим Кареном. По крайней мере, таким он запомнился мне, при моем глубоком к нему уважении.

В этом совпадении и в том, что именно так воспринимал немецкого философа Карен, и заключается моя догадка, что он открывал в своих великих собеседниках черты близкие ему не столько внешние, сколько внутреннего со-родства. У нас у всех есть

психологическая особенность – в общении зеркалить поведение собеседника. Это может самопроизвольно сопровождать наше общение, что отнюдь не умаляет нашей самостоятельности и независимости. У Карена этот духовный отзеркаленный тизопраксизм глубок и искренен. Ему нравится быть в духовном и интеллектуальном резонансе со своими «великими друзьями». Мне иногда казалось, что он больше с ними, чем с нами. Думаю, они бы его включили в свой круг. Он был с ними «одной крови». Его философская идентичность определяется именно принадлежностью к этой референтной группе.

После Гете, Гуссерля, Кассирера и Ницше, по-моему, совершенно закономерно, было обращение к Шпенглеру и его главному произведению «Закат Европы». Автор как бы возвращался к энциклопедизму, не как собранных в одном издании знаний французскими просветителями, а в способности открывать новое без деления на естественнонаучное и художественное познание. Здесь, конечно, старшим учителем и другом для Карена был Гете.

Я помню, как вдохновенно он мог о нем говорить. В его ярких монологах трудно было различить, где кончается у Гете наука и начинается поэзия. Этот контрапункт и становился главным методом философии Карена Свасьяна. Более того, он сам становился онтологией этого контрапункта. Гете – немецкий поэт, драматург, романист, ученый-энциклопедист, государственный деятель, театральный режиссер и критик. Разве мог Карен не всмотреться в эту личность и узнать себя лучше (Отсюда и вдумчивое прочтение феноменологии Э. Гуссерля и философии символических форм Э. Кассирера. Они необходимы ему, «как средство к прорыву в иные перспективы») [3, с. 5]. Признание о феноменологии Э. Гуссерля можно с полным основанием отнести практически ко всем философам, поэтам, музыкантам, вообще ко всем гениям, с которыми Карен Свасьян устанавливал философскую – интеллектуальную, художественную и душевную – связь.

С переводом Кареном философского труда «Закат Европы» Шпенглера произошла важная для меня история. Зная, что я по образованию математик, Карен пригласил меня к себе домой, чтобы обсудить некоторые «математические отрывки», которые были ему не совсем ясны. Такое предложение, конечно, тешило мое самолюбие, и я с готовностью согласился. Карен и Анаид радостно меня встретили. Мы с Кареном прошли в комнату, а Анаид пошла готовить для нас кофе. Как сейчас помню предупреждение Карена не удариться головой о полку, которая висела низко над журнальным столиком, у которого мы расселись в креслах. Карен задавал вопросы, я пытался отвечать, мы пили кофе. Время пролетело быстро. Не думаю, что мои пояснения серьезно помогли Карену. Мне показалось, что он и без меня хорошо во всем разбирается. Позже я понял, что у него сложился такой способ проверки своих философских догадок и открытий: расспрашивать людей по тем или иным интересующим его вопросам - μαευτικῆ (греч. майевтика) наоборот. Если у Сократа майевтика как метод вопрошания собеседника помогал родиться истине, то для Карена он был необходим для подтверждения уже найденного им зерна мудрости.

Как-то с Кареном зашел разговор об искусстве. Он начал его как-то непринужденно

и задал мне, казалось бы, простой вопрос – как я понимаю, что столкнулся с настоящим произведением искусства. Ответ мой был прост: «Произведение подлинного искусства должно порождать яркую эмоцию – это когда мурашки по телу». Карен как-то посветлел лицом, улыбнулся и полностью согласился, что было крайне редко. Каково же было мое удивление, когда позже я прочитал об этом в его эссе о переводе «Личной песни» Егише Чаренца: «Это была любовь с первого... нет не взгляда, взгляд был после, и он подтвердил впечатление – с первого слуха; я услышал музыку; во всяком случае об этом свидетельствовала реакция тела, опередившего чувство и мысль «мурашками» – надежнейшими гарантом значительности события... Мурашки по телу – что может быть более адекватным, верным, безошибочным. Ошибиться может мысль, ошибается подчас и чувство, если оно заштамповано идолами поверхностного сознания; мурашки тем и удивительны, что они есть или их нет, но если они есть, значит, ошибка исключается, ибо они суть обитатели той зоны нашего телесного космоса (мы называем ее жизненной, стихийной, эфирной), где не может быть и речи о заблуждении... Мурашки по телу – разве не с этого должна начинаться (этим проверяться) каждая действительная мысль, каждое действительное чувство!» [4, с.179–180].

Родина и судьба

Вопрос о том, являлся ли Карен Свасьян советским, русским, немецким или армянским философом находится в плоскости, не пересекающейся с его философской судьбой. Она лежит в иных измерениях, в которых христианская Армения, первая принявшая эту религию как государственную, гордится античным храмом Гарни и неоплатоником Давидом Анахтом.

Себя Карен называл русским армянином. Собственно, его становление как философа происходило в том контексте советской высокой философии, образцы которой демонстрировали Лосев, Аверинцев, Пятигорский, Мамардашвили, Ильенков, Гайденко, Тавризян и другие, соразмерные по таланту, знаниям и любви к философской рефлексии. Здесь важно не то, что они составляли какую-то преемственность, школу, а то, что они, как страны, признавали взаимный суверенитет, демонстрировали философскую самодостаточность.

Его становление происходило, как мы уже отметили, в кругу великих и выдающихся творческих людей, в контексте русской, советской по времени, философской традиции и ... немецких философов.

Тем не менее, он оставался армянином. Это проявлялось на уровне соматики. Язык его тела, жестикуляция, интонация голоса и даже его письмо на русском языке были от его армянства. Именно эта соматика делает его армянским философом, если следовать его же свасьяновской методе определять важное, главное, подлинное в реакции тела, которое и становится онтологией – последним философским основанием. Такое армянство неистребимо. Оно осталось с Кареном навсегда.

Как правило, он уходил от обсуждения текущих политических проблем, тем не менее, понимал, что Армении, если она так уж стремится в Европу, надо искать свой формат общения с ней. Европа стремительно деградирует, и она просто может за собой

утянуть и Армению, разрушив ее традиционную культуру. Он не давал ответов-рецептов, как должна поступать армянская власть, но он, как философ, обозначал параметры, в рамках которых надо их искать. Ответы эти не лежат в евклидовой плоскости политических очевидностей и полярных противостояний. Они требуют иной более сложной геометрии.

Если кто-то захочет обвинить Карена Свасьяна в том, что он покинул Армению, то пусть вспомнит, что он уехал еще в 1991 г. Думаю, в начале это было желание воспользоваться открывшейся возможностью поработать в Европе, окунуться в ее интеллектуальную атмосферу. А потом, собственно, уже некуда было возвращаться. Я это понял при последнем посещении Института философии. Формально он еще существует, но уже лишился своего топоса – места своей былой духовной и интеллектуальной силы; дома, где рождалась и жила мысль. Может, кому-то кажется, что Армении не хватает инвестиций в экономику, мощи армии, новых политиков, то они ошибаются. Ей не хватает философов, таких, как Карен Свасьян. А те, которые есть, разобщены, растеряны, задавлены текущими проблемами выживания.

Философ не тот, кто закончил философский факультет, а тот, кто ищет ответы на сложные вопросы в своем каждодневном труде. По всему Еревану стоят билборды с портретами великих армян: Саят-Новы и Шарля Азнавура, Чаренца и Уильяма Сарояна, Мартироса Сарьяна и Арама Хачатуряна, Соса Саркисяна, Фрунзика Мкртчяна и многих других. Если обратитесь к их творчеству, то обнаружите, что они потому великие, что достигли глубин понимания жизни и ее смысла, глубин философской мудрости, только выражали ее по-разному: в песне, в поэзии, в литературе, на полотнах картин.

Будучи в Ереване, я часто задавал совершенно разным людям вопросы: «Чей портрет из числа живущих современников они хотели бы видеть, кого они при жизни отнесли бы к тем, кому доверяют, чья жизнь и достижения вдохновляют их, к чьему слову они готовы были прислушаться?»

К сожалению, в основном получал ответ на два слова: «Не знаем». Уверен, что такие люди есть даже в нынешней Армении, после войны, разора и эмиграции миллиона армян, тем более в диаспоре. Я их встречал и за пределами Армении и в ней самой. К таким людям я отнес бы и Карена Свасьяна. Для кого-то такой вывод может показаться преувеличением, а я, вчитываясь в его работы, утверждаю это. Нам не хватает душевной щедрости признать в текущей повседневности кого-то достойным быть «послом» своего народа в других странах, но более того – в истории и прежде всего, в текущей. Мы просто не осознаем, что живем одновременно и во времени повседневности, и во времени историческом. Поэтому происходит абберрация, и мы не видим тех, кто останется в истории, кому нужно вовремя задать вопросы и прислушаться, к ответам.

Карен, как и все мы, упал в пропасть перемен. Время само определит его место в культуре. Решим так: В чьей исторической памяти он останется дольше, тому миру он и принадлежит. Какой истории он окажется нужным, а главное, зачем? Везде, где жил Карен, он был дома. Вопрос – где он был свой?

Язык и стиль

У каждого состоявшегося философа складывается свой язык выражения мыслей, формируется свой стиль. У Карена сложился свой – свасьяновский.

Читая его книги еще в рукописи, неофит от философии, я не готов был принять такой не строгий, образный для меня язык. Шутил над его «выкидышами несказанного». Более того, иногда сама конструкция предложения, по-моему, не была русской. Не потому, что она нарушала нормы русского языка, просто так русский человек не говорит и не пишет. В этом я снова и снова убеждался, после прочтения горы русской классики, в том числе и философской, пожив в русской среде. Это безусловно грамотный, иногда ироничный, но сконструированный им язык.

Карен воспринимал и русский, и армянский языки родными. Он это сам проговорил, отметив сложность перевода «с родного на родной язык» в эссе о Чаренце. С годами добавился немецкий, который он наверняка знал лучше армянского, писал на нем ряд своих работ, а потом переводил на русский. Но родным для него оставался армянский. Вот это пересечение языков а, следовательно, культурных миров и породило стиль письма Карена Свасьяна как *misticus* (мистический). Он получился очаровательным, а настоящий на огромной философской эрудиции, стал уникальным, личным идиостилем.

Художественный, по сути, он стал не только инструментом, а неотъемлемой сущностью его способа философствования. Именно он открывал перед ним возможность осуществить, обозначенный им прорыв к новому синтезу, которого не хватает современной науке. Она выхолостилась в своем бесконечном дроблении, в неспособности стать человеческой мудростью. Именно над этим бился Гете, отчаялся в «философии как строгой науке» Гуссерль, пытался связать в мифологии в «философии символических форм». Э. Кассирер. Отсюда интерес Карена Свасьяна к морфологии культуры О. Шпенглера.

Осуществив перевод первого тома, он не смог продолжить работу над вторым. Он сам признался, что вопрос был элементарного дарвиновского выживания. В это время он переехал в Европу, и ему надо было обустроиваться в новой среде.

Думаю, только спустя некоторое время обнаружилось, что он снова опоздал. Свидетельство о смерти Европы, выданное О. Шпенглером, оказалось верным. Карен не застал той Европы, образ которой сложился в его воображении. В духовной пустыне он, возможно, и мог обнаружить каких-то сфинксов от философии, но уже с отбитыми носами, чтобы не совали их, куда не следует, а тем более, не лезли в первые ряды элиты. Философы и философия перестали порождать смыслы и идеи, которые увлекали бы других. Европейская философия лишилась своей проектности. Идеи философов эпохи Просвещения задали вектор развития на столетия, идеи К. Маркса изменили европейский и даже мировой геополитический ландшафт почти на весь двадцатый век. А на его исходе ничего продуктивного не осталось, сплошная деконструкция любых нарративов и смыслов. Если умер Бог, то и философ, как автор, приказал долго жить.

Даже по публичным выступлениям Карена можно услышать его горькое кладбищенское разочарование. После второй мировой войны Германия не только потеряла свою политическую субъектность, она потеряла свою философичность. Европа, по Карену

Свасьяну, философски стерильна. Ему трудно признать за постмодернизмом даже права называться философией. В своей приверженности антропософии Штайнера он находит последнее утешение. Гетенаум – всемирный центр антропософии, расположенный в швейцарском городе Дорнах, возможно последняя надежда Карена на возможность сохранить человеческое в человеке.

Трудно не согласиться с Кареном с его обращением к человеку, осознающему свою человечность. Этот вывод тем более значим именно сейчас перед угрозой третьей мировой войны и изменения самой природы человека.

Надежда Карена на Россию, на то, что именно она окажется способной выстоять перед лицом Апокалипсиса и остановит его четырех всадников: «Чума» (ковид и дальнейшие подобные угрозы), Второй всадник «Война» на рыжем коне (СВО и угроза третьей мировой войны), Третий всадник на вороном коне «Голод». Четвертый всадник бледный. Это «Смерть». Россия на правильной стороне истории, считает Карен Свасьян, и мы разделяем с ним эту точку зрения. Похищение Европы Россией – это надежда для самой Европы. У России есть замечательный опыт XIX века, когда она продемонстрировала способность создавать свои мировые культурные феномены на европейских основаниях. Возможно и желательно повторение.

Несовременность Карена Свасьяна мне импонирует, тем более что сам пришел к близким ему мыслям совершенно с другой, противоположной стороны – от Science (англ. наука), в которой не осталось места для Humanity (англ. гуманность). Если мы не найдем решения собрать в целое, распадающиеся пазлы исторических вызовов и ответы на них, в самом человеке и с его помощью, то мы обречены. Надежда на то, что мир устоит, Бог не умер и даст нам шанс.

Список литературы

1. Свасьян К.А. Фридрих Ницше: мученик познания // Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Литературные памятники. – М.: Мысль, 1990, стр. 5
2. Свасьян К.А. Фридрих Ницше: мученик познания // Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Литературные памятники. – М.: Мысль, 1990, стр. 19
3. Свасьян К. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1987, стр. 5
4. Свасьян К. Голоса безмолвия. – Ереван: Советакан грох, 1984, стр. 179-180

Сведения об авторе

Габриелян Олег Аршавирович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Института «Таврическая Академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь.

E-mail: gabroleg@mail.ru

Gabrielyan O. A.

IN MEMORIAM: KAREN SVASYAN (1948–2024) – TOUCHES TO THE PORTRAIT

Abstract: *The article recreates the image of the famous philosopher Karen Araevich Svasyan. An important stage of his development as a thinker is traced until his departure to Europe, where he lived until his death. The author of the article worked with him for more than ten years and had the opportunity to observe this process. Several important “discoveries” were made in the creative development of the philosopher. This is the atmosphere in which his formation took place, and the repetition of “falling” into periods of historical changes, and his “social circle”, and “counterpoint” as his own method of philosophizing, and the “style” of philosophizing as the creation of himself, and the open identity of the philosopher.*

Keywords: *the History of Late Soviet Philosophy, German philosophy, the Institute of Philosophy and Law of the Armenian Academy of Sciences, The Decline of the West.*

References

1. Svasyan K.A. Friedrich Nietzsche: muchenik poznanya Nietzsche// Nietzsche F. Sotinenia. 2 tomah T. 1. Literanyrnie Pamyatniki. M., 1990.
2. Svasyan K.A. Friedrich Nietzsche: muchenik poznanya Nietzsche// Nietzsche F. Sotinenia. 2 tomah T. 1. Literanyrnie Pamyatniki. M., 1990.
3. Svasyan K.A. Fenomenologicheskoe poznanie. Propedevtika i Kritika. Yerevan, 1987.
4. Svasyan K.A. Golosa bezmolvia. Yerevan, 1984.

Gabrielyan Oleg Arshavirovich – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy at the «Tauride Academy» Institute of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

E-mail: gabroleg@mail.ru